

МАРАФОНЦЫ

«Мой век» в Академическом театре имени Владимира Маяковского

Независимая газ. - 2001 - 30 мая - с. 7

Малу (Светлана Немоляева) и в сто лет хороша.
Фото Михаила Гутермана

Григорий Заславский

ПРЕМЬЕРА грустной комедии «Мой век», которую под занавес сезона и в самый разгар Московской театральной олимпиады сыграли в Академическом театре имени Владимира Маяковского, — лишний повод поговорить вообще об искусстве. Конкретных актеров — занятых в этом спектакле Светлане Немоляевой и Галине Анисимовой, режиссера Сергея Яшина и, наконец (а вернее, в первую очередь), — Театра имени Маяковского. «Мой век» в «Маяковке» располагает к мыслям об абсолютных и относительных успехах. И о том, что в искусстве, как, вероятно, нигде больше, относительные победы, ощутимые в данное время и в данном месте, порой значат больше иных абсолютных и неоспоримых достижений.

Поясню свою «сложносочиненную» мысль. В жизни Академического театра имени Маяковского, который прозябает, вынужденный приспосабливаться к переменам в самочувствии, а главное — в настроении своего художественного руководителя, всякая премьера становится победой. Победой над бессмысленным существованием, когда звездная труппа доигрывает роли, срететированные, к примеру, четверть века назад. Когда имена, украшающие стены «Маяковки», складываются вне стен театра — в антрепризах, других академиях, на телевидении. А здесь знаменитые и народные играют то, что им когда-то, едва ли не на заре их юности и его зрелости, доверил всевластный худрук Андрей Александрович Гончаров. И редким счастьем становится для некоторых из них работа с «пришлыми» (будь то состоящая в штате Татьяна Ахрамова или ученик Гончарова Сергей Яшин, который и поставил «Мой век»), чьи репетиции — по своему волею все того же Гончарова — растягиваются надолго. Часто — на годы, может быть, потому, что годами привык репетировать сам Гончаров. До тех пор, пока мастер не соблаговолит пожаловать на очередной прогон. Конечно, все это нельзя назвать нормальным существованием театра. Но кто (и что) в силах заставить народного артиста СССР и лауреата всех премий сделать то, что может сделать, считается, только он сам, по своему собственному разумению, как говорится, на-

ходясь в здравом уме и твердой памяти. Невозможно сбросить со счетов и то, что Гончаров — из той вымирающей ныне породы худруков, расставание с которыми сродни прощанию с эпохой, когда русский репертуарный театр был на высоте. Среди многих нынешних, которым нечего ответить на вечный фамусовский полувопрос-полуутверждение: «Вы, нынешние, нутка», Гончаров как режиссер и худрук высится этаким Эверестом. Уход Гончарова, чье полуформальное руководство вошло в привычку, и пусть так же уважительно обставленный, как уход Плучека, состоявшийся в этом сезоне, у многих просто не укладывается в голове. Кажется, сродни концу света. Хотя, с другой стороны, вот же и Яшин, ученик и готовый худрук (но у него уже есть свой театр — имени Гоголя, судьба которого без Яшина видится плачевной; кругом — проблемы). И это обстоятельство — возможная преемственность — мешает строго судить спектакль, в котором недостатков, увы, больше, чем в других работах того же режиссера. Дух небрежности витает над сценой: в паузах в глаза бросаются коробки из-под шампанского «Корвет», которые почему-то «украшают» квартиру потомственных парижан. Единственный герой-мужчина, который своими полутанцевальными выходами должен «прореживать» женское царство, поражает отсутствием не столько мужского темперамента, сколько мужского начала. Но всего этого не хочется замечать. Тем более что «Мой век» — тот самый случай, когда недостатками не исчерпывается спектакль. Помимо недостатков в нем есть очевидные достоинства.

«Мой век» — пьеса-бенефис. Но то ли по воле французского автора (пьеса М.Лоранс в Театре имени Маяковского идет в переводе Михаила Полищука), то ли в связи с большими возможностями труппы — в постановке Сергея Яшина «Мой век» стал бенефисом двух актрис: Светланы Немоляевой, которая играет Малу, отмечающей в этой грустной комедии свое столетие, и Галины Анисимовой, которая играет дочь героини Мариэль. Кроме них, на сцену выходят еще внучка и правнучка юбилярки (наверное, можно было превратить спектакль в блистательный квартет, но на то не хватило то ли пьесы, то ли режиссерского терпения, но прежде всего, кажется, сил самих актрис, кото-

рые блекнут рядом с Анисимовой и Немоляевой). Все они — гости и участницы юбилея, который мог в ином случае превратиться во всемирные торжества, но празднуется в узком семейном кругу. Судя по пьесе, для французов счеты с историей значат не меньше, чем это принято у нас, в России. Вроде бы век уже «повернул за угол», но какие-то компромиссы, которые позволила Малу в годы оккупации, становятся поводом к долго раскручиваемой интриге в череде семейных ссор.

Конфликт «теплится» уже в самом противоречии манер: Малу — Немоляева вся, кажется, сложена из светских манер, на ней платье в блестках и шляпа с перьями, искусственность которых ей к лицу. Даже манера говорить Малу — как звук чуть потрескивающей старой пластинки, на которой поет звезда далеких дней, — имеет мало общего с простотой повседневной речи. Мариэль — Анисимова вынуждена заботиться о быте, она выбегает на минуточку с кухни, чтобы постелить скатерть и вернуться к своим пирогам, в ее скупых жестах мало лишних движений, а каждый шаг вызван какой-то необходимостью. Ее природная естественность почти чужда сценическому правдоподобию. И простота ее существования как будто разжигает конфликт, поскольку такая дочь такой матери нравиться не может. Наоборот, может только раздражать. Бытовая подробность с обилием мелочей мешает сразу же обратить внимание на неуместность Мариэль в этом доме, все благополучие которого строится на череде компромиссов, не всегда безобидных. Но другого дома у нее нет — точно так же, как у Малу нет другой дочери, хотя именно Мариэль ежедневно напоминает ей о не самых лучших днях ее столетней жизни, где было место и знаменитостям, и всем перипетиям века, но чаще — такого, о чем лучше не вспоминать. Столетняя жизнь, о которой не хочется вспоминать, — почти метафора ада.

Если обратить его наизнанку, сюжет последней премьеры в Театре имени Маяковского — нелепый, хотя вроде бы и интуитивный аргумент в пользу русской максимы о пользе долгой жизни в России. Особенно в театре, где любовь зрителей лучше получить сполна при жизни. А это значит, что нужно настраивать себя на марафонскую дистанцию.

Яшин

05.2001